УДК 101.1

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТЕМПОРАЛЬНЫХ И ДОТЕМПОРАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЯХ БЫТИЯ

Баркова Валентина Васильевна,
Челябинский государственный педагогический университет,
профессор кафедры философии и культурологии,
кандидат философских наук, доцент.
г. Челябинск, Россия.
E-mail: barkovavv@cspu.ru

Аннотация
Рассматриваются темпоральные и дотемпоральные состояния бытия как в историко-философском, так и естественнонаучном аспектах с позиций особенностей их формирования в макро-, микро- и мегамирах. Обозначается матричная основа для соотнесения катахрез вечность и время.

Ключевые понятия:
состояние бытия,
временность,
дление,
вечность,
материя,
хаос,
аттракторы,
дотемпоральность бытия,
темпоральность бытия.

Мудрецы античных и древних восточных традиций нередко задумывались над тем, какие реалии скрываются за смысловыми конфигурациями, интуитивно высвечивающими в процессах мыследеятельности некие подвижные особенности бытия человека и природы. «Вызрев» в недрах философских рефлексий до «понятийной полноты», эти первоначальные интуиции явили себя целым каскадом смыслов, отпечатавших в обретённых смыслоформах такие феноменальные состояния бытия природы и человека, как время, временность, дление, мгновение, вечность. Приобретая «всеобщность», удостоверенную в своём конкретном содержании как бы самой действительностью, эти катахрезы не просто демонстрировали возможности «знающего себя разума», но и обнажали факт того, что в лоне, категориально схваченных темпоральных состояний бытия, которые нельзя переадресовать другим, развёртывается подлинная онтология существования природы, плетутся нити дления жизни каждого индивидуума, социума, человечества и природы в целом. Действительно, ни один уровень организации бытия не обходится без изменения его состояний. Но только человек, входя в мир непотаённого «здесь и сейчас бытия», осваивая и обобщая собственные опыты жизнеделанья, опыты других, через факты несобственной повседневной бытийности осознаёт конечность основы земного существования других и его самого, свою временность, преходящность. Понимает, как бы сказал Г. Гегель, что в живом целом одновременно «положены»: смерть, противоположение, рассудок.

Временность, открываясь как одно из темпоральных состояний бытия, побуждает индивидуумов «собирать себя» в целостность на границах природного, повседневного и культурного бытия, придавать смыслы своей жизнедеятельности и оперировать ими, оценивать и понимать себя – как себя, всё и всякое иное – как некое иное. Вместе с тем рефлектирующий разум, продолжая устремляться в своей всеоткрытости за горизонты явлений повседневной бытийности, пытается ухватить в самих истоках ландшафтность осмысляемых темпоральных состояний бытия, «чеканя» для этого ряд ключевых концептуальных вопросов: «Что есть время?», «Как соотносятся между собой время и вечность?», «Возможно ли их соотношение и если да, то, что выступает “родовой” матрицей последнего?»

Принимая в целом существование бытия в парменидовской интерпретации: «бытие есть – небытия нет», философы создавали различные версии конечного и бесконечного, вечного и временного, длення и мгновения. И неизменно в дискурсах на поверхность «всплывал» факт того, что, проясняя природу схваченных катахрезами темпоральных состояний бытия, человеческий разум постоянно натыкается на апории в их понимании. С точки зрения Гераклита, Платона, Плотина, Аристотеля, Августина Блаженного, Фомы Аквинского и других мыслителей последние порождаются самой, ускользающей от схватывания спецификой природы рассматриваемой цепочки темпоральных состояний бытия. Безусловно, философы пытались найти объяснение природе этих апорий. В классической античности его находили в космических стихиях, в эпоху эллинизма в формах жизни мировой души. Отцы Церкви видели причину возникновения апорий в сущностном несовпадении природы рассматриваемых состояний бытия. Новоевропейская философия, ориентируясь на возрастающую значимость рационализма в научном познании, его математизацию и оптиматизацию экспериментальной деятельности, делает акцент на относительность и субъективность в понимании природы темпоральных состояний бытия, имеющих, однако, объективную основу для своего существования – длительность. По мысли Декарта, Спинозы, Ньютона, Лейбница длительность является одновременно атрибутом как Бога, т.е. вечности, так и времени, которое представляет собой субъективный инструмент измерения событий объективной длительности [2, с. 10].

В XIX–XX вв. образы темпоральных характеристик бытия органично вплетаются в предметные поля эволюционизма, историзма, психологизма, философии жизни, экзистенциализма, феноменологии и т.д., где получают осмысление через призму фундаментальных конструктов экзистенциализма. Это позволило обнажить глубинные переживания человеком временности своего бытия, своей беспомощности в открытом горизонте онтологической беспредельности. Как ни парадоксально, но катахрезы темпоральности обрели в экзистенциализме статус коррелята бытия. А.Ахматова с отчаяньем вопрошала мир о том, как быть с тем ужасом, который когда-то «бегом времени» был наречен. М.Хайдеггер, как бы слыша этот крик отчаяния, метафорически констатирует факт того, что везде, где что-то существует, лежит открытой протокольная книга, в которую записывается время. Время набрасывает своё «вот – бытие» на всё, что существует. Оно выдавливает бытие из самого себя, неумолимо приближая человека, «его другое», «его иное» к конечному моменту «бытия всего» в посюсторонних формах его организации. Неотвратимому взлому печати с тайны механизмов темпорального «размыкания» бытия и процессов его «схлопывания». Когда «мы сами с общим провалом сущего, ускользаем тоже и от себя» навстречу Ничто – вечности [6, с. 21]. Причём по Хайдеггеру, Ничто-вечность всегда даёт знать о себе, поскольку разомкнувшееся бытие в просветах обнажает, что присутствие есть, следовательно, Ничто не отрицает сущее, наоборот, порождает его, а значит, оно первоначальнее, чем Нет или отрицание [8, с. 23].

Философской рефлексии важно ухватить и понять Ничто таким, каким оно даёт знать о себе самом в виду его самого. Для этого необходимо обратиться к историко-философскому опыту осмысления феномена вечности в различных философских традициях. Так, повседневное смысловое пространство античности было «насквозь» пронизано пониманием значимости времени и вечности в жизнебытие греков. Термин, вечность, связывался с понятием целостной и полнокровной жизненной силы. Время обозначало убывание, угасание жизненных сил. Еврипид вечность и время связывал с пониманием катахрез судьба и свобода. Вечность неподвластна судьбе, которая властвует над временем. Досократики сущность вечности видели в воде (Фалес), огне (Гераклит), воздухе (Анаксимен). Гераклит сравнивал вечность с играющим в шашки ребёнком. Игра является, с его точки зрения, глобальным принципом организации жизни космоса, миробытия в целом, представляя собой единство всех возможных противоположностей. Платон стал первым среди своих современников, кто, опираясь на труды предшественников, древние и священные тексты восточных учителей, сумел свести воедино всё, сделанное до него, в изучении рассматриваемых феноменов. «Вечность», – писал он в «Тимее», – это умопостигаемое бытие, неизменное, неподвижное, самотождественное. О ней нельзя сказать, что она была или будет. Здесь нет ни прошедшего, ни будущего, но только – «есть». Вечность

пребывает в «едином», поскольку она есть целостность в своих многообразных ликах проявления. Соотнося время и трансцендентность вечности, Платон различает три онтологических уровня существования миробытия, акцентируя при этом несовпадение феноменов вечности и времени. Он писал: в мире есть то, что существует вечно (не рождено, не создано). То, что существует всегда (создано, но не подвержено гибели) и то, что существует временно (что создано и погибнет). Вечность как атрибут трансцендентного бытия – непостижимого, надвременного – рассматривалась как то, что творит из себя мир и само время [3, с. 56–58].

Плотин, развивая идеи Платона, отмечал, что к вечности, как «вместилищу» всяких предстоящих или состоявшихся переходов, применимы только категории настоящего. Мир, окружающий человека, с точки зрения Плотина, существует постоянно, вечно по причине своей несотворимости и неуничтожимости, а не потому, что существует в бесконечном времени. Он стал первым мыслителем, кто отказал вечности в темпоральности бытия, сформулировав онтологическое понимание последней: вечность – это полнота бытия. Плотин метафорически даже воссоздаёт процесс рождения времени в некой точке вечного бытия. По его мнению, была некоторая природа беспокойно-деятельная и стремящаяся господствовать над самой собой и принадлежать самой себе. Она хотела обрести больше, чем у неё было. Так она пришла в движение, а вместе с ней в движение «пришло» время, и стало двигаться к всегда – будущему и позднейшему, то есть всегда к иному, а не к тождественному. Отпав от «единого», она в подражание ему создала чувственный мир» [4, с. 7–11] и властвовать в ней стало время.

Отцы Церкви окончательно отделили время от вечности. Время становится хронометром земных событий и анализируется сквозь призму связи последнего с памятью. Августин, осмысляя время как процесс «растяжения души», в качестве инструмента растяжения использует понятие движения. Именно движение засевает лоно памяти накопленным опытом прошлого, делая её сокровищницей мысли и знания. Рассматривая время как взаимосвязь помнящей, созерцающей и ожидающей души, Августин раскрывает парадоксальность феномена времени: оно складывается из того, чего уже нет (прошедшего), того, чего ещё нет (будущего) и того, что есть, но не имеет длительности – мгновений настоящего. Все три модуса времени удерживаются лишь человеческим сознанием. Вечность, согласно Августину, не измерима временными отрезками. Она – атрибут Бога. Земное время – это «тень вечности», «смена вещей». Оно сотворено и движется в лоне земных темпоральностей от акта божественного творения к Страшному суду, обретая векторность и необратимость. Фома Аквинский в «Сумме против язычников» писал, что время и вечность не суть одно и то же. Вечность в каждом своем мгновении целокупна, времени же это не присуще, поскольку оно всего лишь мера дления. Время акцидентно и нуждается в субстанции как своем носителе. Материальные субстанции не могут сразу и полностью обладать бытием, хотя всегда устремлены к этой полноте, которую достигают последовательно: теряя одну часть, обретая другую. Поэтому длительность их существования «рассыпается» на неопределённое множество последовательных моментов. Это и есть время.

Исследование темпоральных состояний бытия было продолжено в Новое время. В эту эпоху широкое распространение получило эмпирико-сенсуалистическое понимание времени (Локк, Юм). Оно нивелировало различия между временем и длительностью, временем и вечностью. Вечность стали рассматривать как бесконечное время. В результате эмпирический мир вечного становления объявлялся единственно реальным состоянием мироздания. В контексте выдвинутой эмпирико-сенсуалистической парадигмы время осмыслялось как темпоральное состояние бытия, отражающее порядок последовательностей существования событий. Пространство как порядок сосуществования различных последовательностей событий.

Вместе с тем развивающееся научное естествознание стремилось к тому, чтобы исследование темпоральных характеристик бытия опиралось на наблюдения, эксперимент и математику, а не только на авторитет Библии и свидетельства древних философов. Поиск эффективных методологических ключей для расширения эпистемологических возможностей исследования темпоральных характеристик бытия, схватывания специфики их отражения в мыследеятельности человека побудил Канта заняться решением этих вопросов. Стремясь освободиться от психологизма с его склонностью к скептицизму (Юм) и

поддержать необходимость и всеобщность развивающегося естественнонаучного знания, он вводит в эпистемологию понятие «трансцендентальный субъект». По Канту, эмпирический мир опыта как внешний, изучаемый естествознанием, так и внутренний, как предмет эмпирической психологии, существует лишь в отношении к трансцендентальному субъекту, как его корреляту. Последний конструирует мир с помощью априорных форм чувственности – пространства и времени и априорных форм рассудка – категорий. Время, являя себя априорной формой внутреннего чувства, не обладает трансцендентальной реальностью. Но оно имеет реальность эмпирическую ибо составляет условие возможности мыслить обо всех явлениях как внутренних, так и внешних, играя роль связующего звена между чувственностью и рассудком. Способ деятельности сознания, состоящий в последовательном синтезе предметов восприятия, и был назван Кантом временем.

Вслед за ним Фихте, Шеллинг и Гегель, отвергнув онтологию субстанциональности времени, переходят в своих размышлениях тот Рубикон, который разделял нетварный, вечный и тварный, временный миры. На первые позиции выходит идея абсолютного развития «всего и вся» как процесс разворачивания всей полноты инобытия Абсолютной идеи. Исследование специфики различных темпоральных состояний бытия через призму развития «всего и вся», вывело этот процесс на новый уровень их изучения: к осмыслению последних через диалектику соотношения этих характеристик в макро-, мега- и микромирах, а также философского обоснования выявляемых при этом закономерностей. Философская рефлексия, улавливая изменения в эпистемологических подходах к изучению природы рассматриваемых темпоральных состояний бытия на различных уровнях организации последнего, констатировала не просто размывание линейных традиций в осмыслении последних, но и обозначила тенденции, которые Деррида назвал осознанием многомерности и нелинейной временности единой реальности. Философствующий разум давно осознавал, что объективно – реальное, несубстанциональное динамическое время – другого времени в природе нет, – прежде чем существовать, должно было возникнуть, иметь начало отсчёта. В недрах возникшего времени обретают своё конкретное бытие не только человек, но свои времена образовали физические, химические, биологические, исторические и любые другие реально существующие процессы, начиная от микропроцессов и заканчивая процессами расширения Вселенной как целого.

Динамическое время образуется движением, несущим качественные изменения, которые выступают причиной становления, возникновения, изменения, исчезновения материальных объектов и процессов как таковых. И вместе с тем движение обуславливает неуничтожимость, сохраняемость, неисчерпаемость материи как единственной субстанциональной реальности. Время, по причине своей несубстанциональности, собственными свойствами не обладает. Оно всего лишь специфически отражает свойства образующих его процессов. При этом оно необратимо, не поворачивается вспять даже при обратном протекании процессов. Означает ли это, что наша Вселенная, однажды родившись, когда-нибудь завершит своё существование, исчерпав возможности для своего бытия? И следует ли в поисках ответа на вопрос «в чём же заключается вечность бытия?», исходить из допущения, что вечность – это тест на неуничтожимость самой Вселенной. И не напоминает ли нам, в этом случае, лик вечности бытия образ «колеса Калачакры», обеспечивающего в соответствии с идеей «вечного возвращения» последовательность циклов: Большой взрыв – расширение и охлаждение – сжатие и свёртывание до математической точки – снова Большой взрыв и так до бесконечности.

Принимая тест о рождении нашей Вселенной, который Фридман изложил в работе «О кривизне пространства» [5], и, следуя логике его рассуждений, можно утверждать, что Вселенная непрерывно расширяется и охлаждается. Конечно, учитывая второе начало термодинамики, Вселенная может, в общем, достичь некоего равновесного состояния, но отдельные её участки будут испытывать флуктуации, то есть некие выбросы энергии. Эти флуктуации и не дадут запуститься процессу превращения всех видов энергии в исключительно тепловую энергию. Современная наука оспаривает теорию тепловой смерти Вселенной и с позиций общей теория относительности. Согласно ей Вселенная представляет собой систему, находящуюся в переменном гравитационном поле. Из этого следует, что она нестабильна и закон возрастания энтропии, то есть уста-

новление равновесного состояния Вселенной, здесь невозможен. Вселенная, какие бы в ней ни происходили процессы, всегда остается Вселенной и своего собственного, единого времени не образует. В этой связи напрашивается только одно решение вопроса о феномене вечности. Вечность – это вечность Вселенной, неисчерпаемость сущностных механизмов «самостроительства» материи как единственной субстанциональной реальности, которая несменяема и неизменна при многообразии и сменяемости форм её проявлений. Следовательно, вечность связана с субстанцией, а время – с субстанциональной сферой, с изменяющейся стороной субстанции. Хотя между временем и вечностью существует бесконечное различие, они представляют собой единство противоположностей: сохранения и изменения, стабильности и нестабильности материального мира. Это и есть вечный тест на единство противоположных сторон бытия материи, находящий своё выражение в неуничтожимости движения, являющегося атрибутом и механизмом субстанционирования материи. Хайдеггер в «Бытие и время» писал, что бытие непрерывно связано с неустранимой незавершённостью. Бытие «даёт себя» как открытая возможность. Для эпистемологии незавершённость мира есть закон самого мироустройства, форма проявления безусловного принципа его вечности.

Конечно, физический вакуум не может рассматриваться как эквивалент философско-онтологического ничто. Но всё меняется, когда мы восходим к исходному хаосу. В хаосе нет событий в привычном смысле слова, а есть флуктуации, каждая из которых может рассматриваться, как попытка создать мир с темпоральным порядком. В его исходном состоянии нет ничего, что могло бы выступать в виде физической «чтойности». Частицы появляются лишь на более поздней стадии развития. Хаос выступает как царство возможностей, из которых ещё должен родиться новый мир сущего, бытия «становящегося». Здесь нет последовательности свершившихся событий, а значит, понятие времени теряет всякий смысл. Но если время отсутствует, то что предпослано его появлению? С философской точки зрения времени предпослано бытие. Однако это бытие не может быть совершенно лишено движения и некой первичной структуры, выражаемой физикой в категориях симметрии. Возникает мысль о пространстве возможных порядков, заключающем в себе первичную дотемпоральную динамику, в которой нет сформировавшихся онтологических «чтойностей». Нет реальности того, что с античных времен носит имя сущего. Это не мир в обычном понимании, ибо мирам, с присущей им темпоральностью, ещё только предстоит родиться. Здесь нет ничего свершившегося, а, следовательно, нет времени как последовательности событий. Более приемлемым в подобной ситуации становится понятие пространства. Но и оно не является пространством состоявшихся событий, а рассматривается лишь как пространство возможностей, связанное с сосуществованием тенденций-аттракторов в исходном хаосе. Можно сказать, что мы имеем дело с пространством, бурлящего возможностями бытия, в котором ещё не сформировался мир сущего. Хайдеггер писал об этом, что именно всякий раз сущее как сущее является в свете бытия. У Хайдеггера понятие «является» обозначает тест «не является мне», а «являет себя», т.е. рождается. Единство сущего и времени приводит к пониманию того, что не только сущее, но и время впервые рождаются из бытия, дотемпоральная динамика которого может быть осмыслена только через категорию пространства.

В XX в. возникли попытки подняться в исследовании природы темпоральных и дотемпоральных состояний бытия на такие уровни осмысления проблемы, где пророческое утверждение Сартра о том, что существование предшествует сущности, логически совпало бы с пригожинским вектором развития бытия от хаоса к порядку. Такой подход предполагает переоценку и переформатирование идеалов эпистемологии. Специфика дотемпоральных и темпоральных состояний бытия и вариабельность их функционирования требуют особых способов описания и прогнозирования этих состояний, разработку сценариев поведения систем в точках бифуркации, а также дополнение аксиоматически-дедуктивных методов теоретическими описаниями, основанными на применении методов аппроксимации. Внедрение исторических реконструкций предполагает включение аксиологических факторов в состав объясняющих положений. Естественные и гуманитарные науки сегодня, как никогда ранее, едины в желании понять и «ухватить» природу рождения разнообразных темпоральных ритмов бытия всего, в том числе и человека. По-новому прочитать, по

словам С.В. Борисова, «хайдеггеровский призыв вернуть утраченное единство бытия и времени» [1, с. 123].

1. Борисов, С.В. Что значит быть современным (в контексте статьи А.В. Павлова «Заметки о современности и субъективности») [Текст] / С.В. Борисов // Социум и власть. 2013. № 3. С. 123–126.
2. Гайденко, П.П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке [Текст] / П.П. Гайденко. М., 2006. 464 с.
3. Платон. Тимей [Текст] / Платон. Собрание сочинений: в 4 т. / Пер. С.С. Аверинцева. М., 1994. Т. 3. 654 с.
4. Плотин. Эннеады III [Текст] / Плотин. М., 1995. 394 с.
5. Фридман, А.А. О кривизне пространства [Текст] / А.А. Фридман. Избранные труды. М., 1966. С. 280–287.
6. Хайдеггер, М. Бытие и время [Текст] / пер. В.В. Бибихина. М., 1997. 452 с.
7. Хайдеггер, М. Что такое метафизика [Текст] / М. Хайдеггер. Время и бытие. Статьи и выступления. М., 1993. 443 с.
8. Barbour, J. The End of Time: The Next Revolution in Physics [Text] / J. Barbour. N.Y., 2001. 384 p.

References

1. Borisov S.V. *Socium i vlast',* 2013, no. 3, pp. 123–126 (in Russian).
2. Gajdenko P.P. *Vremja. Dlitel'nost'. Vechnost'. Problema vremeni v evropejskoj filosofii i nauke* [Time. Continuance. Eternity. The problem of time in European philosophy and science]. Moscow, 2006, p. (in Russian).
3. *Platon. Timej* [Timaeus]. Sobranie sochinenij: v 4 t. / Per. S.S. Averinceva (Selection of works in 4 volumes / Translated by S.S. Averintsev). Moscow, 1994, T. 3, p. (in Russian).
4. *Plotin. Jenneady III* [The Enneads III]. Moscow, 1995, 394 p. (in Russian).
5. Fridman A.A. *O krivizne prostranstva* [On a space warp]. Moscow, 1966, pp. 280–287 (in Russian).
6. Hajdegger M. *Bytie i vremja* [Existence and time]. Per. V.V. Bibihina. Moscow, 1997, 452 p. (in Russian).
7. Hajdegger M. *Chto takoe metafizika* [What metaphysics is]. Vremja i bytie. Stat'i i vystuplenija (Existence and time. Articles and speeches). Moscow, 1993, 443 p. (in Russian).
8. Barbour J. *The End of Time: The Next Revolution in Physics. N.Y.,* 2001, 384 p. (in English).

UDC 101.1

REFLECTING UPON TEMPORAL AND PRE–TEMPORAL STATE OF BEING

Barkova Valentina Vasilyevna,
Chelyabinsk State Pedagogical University, Professor of the Chair of Philosophy and Cultural Studies, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Chelyabinsk, Russia.
E-mail: barkovavv@cspu.ru

Annotation
The author considers temporal and pre-temporal states of being both in historical philosophical aspects and aspects of natural sciences from the perspective of peculiarities of their forming in macro-, micro- and mega worlds. The author marks the matrix basis for correlating catachreses "eternity" and "time".

Key concepts:
states of being,
temporality,
longitude,
substance,
chaos,
attractors,
pre-temporality of being,
temporality of being.